

18+ Алексей Готов

Книга первая: пыль и ярость

Алексей Готов

Книга первая: пыль и ярость

«Издательские решения»

Готов А.

Книга первая: пыль и ярость / А. Готов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688457-1

В мире, где рухнула цивилизация и по земле бродят голодные мертвецы, выживание стало высшим законом. Но когда обычному парню по имени Лев отрезают руку не зомби, а такие же люди, его отчаяние и ярость находят неожиданный выход. Таинственная незнакомка дарит ему странный артефакт — чёрную палочку, способную стирать всё в пыль. С её помощью он возвращает себе руку, но цена магии оказывается страшной: она питается не только силой, но и его человечностью.

ISBN 978-5-00-688457-1

© Готов А.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая: ПЫЛЬ И ЯРОСТЬ	6
ПРОЛОГ	7
Глава 1: Первый Взмах	9
Тишина	12
Эра пыли	13
Глава 2: Закон Пыли	14
Глава 3: Вкус Пепла и Покорности	19
– Я сказал, разденься	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Книга первая: пыль и ярость

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2025

ISBN 978-5-0068-8457-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-8463-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая: ПЫЛЬ И ЯРОСТЬ

ПРОЛОГ

Боль была вселенной.

Она пульсировала из культи левого предплечья тупыми, огненными волнами, вытесняя все мысли, кроме одной: они отрезали ему руку. Не для спасения жизни от укуса. А чтобы съест. Пока он был еще жив и все видел.

Лев лежал на холодном линолеуме заброшенного кабинета химии. В ноздри въедались запахи пыли, старой плесени и сладковато-медный дух крови – его крови. В ушах стоял звон, сквозь который пробивались доносящиеся из спортзала звуки: приглушенный смех, звон консервной банки, голос Громила – низкий, уверенный, раздававший приказы. Там пировали. Его рука, возможно, уже жарилась на самодельной печке.

Он пытался шевельнуться, но веревки впивались в правую кисть и лодыжки. Отчаяние было таким густым, что им можно было подавиться. Два года он избегал зомби, прятался от банд, выживал на объедках, цепляясь за призрачную надежду, что где-то еще есть нормальность. И вот его поймали из-за минутной слабости, из-за того, что он протянул пайку плачущему ребенку у супермаркета. Ребенок оказался их приманкой. А Громила и его черлидерша Ксюша – охотниками, для которых человечина уже давно перестала быть табу.

«Значит, так всё и заканчивается», – пронеслось в сознании, туманном от боли и кровопотери. Он зажмурился, пытаясь уйти в себя, сбежать от реальности, которая разорвала его на части в буквальном смысле.

И тогда пришел сон. Или видение.

В комнате стало светлее, будто сквозь грязные окна пробился не существующий в природе лунный свет. Воздух заколебался, и в нем заплясали частички пыли, сверкая, как микроскопические алмазы. А потом появилась она.

Девушка в поношенной, но чистой парке, с огромными глазами, в которых застыл оттенок такой же боли, что была и в его. В руках она сжимала нечто, похожее на черную, обугленную ветку, но оттого исходило мягкое свечение.

Он не мог закричать. Только смотрел.

Девушка приблизилась, и на ее глазах блеснули слезы. Она что-то прошептала – слова, лишенные смысла, полные печали и нежности. Кончик той ветки коснулся его окровавленной, затянутой тряпками культи. Боль внезапно исчезла. Ее сменило тепло, пьянящее и всепоглощающее. Лев вздохнул, и впервые за долгие часы его тело расслабилось.

Он увидел, как из ничего, из самого воздуха, сплетаются нити света, кость, плоть, кожа. Он увидел свою руку. Целую. Неподвижную, но живую. Чудо.

А потом ее губы коснулись его губ, соленых от пота и слез. Это был не поцелуй страсти. Это был поцелуй отчаяния, общности двух последних людей в аду, попытка напомнить друг другу, что они еще живы, что они еще могут чувствовать не только боль и страх. Ее пальцы

дрожали, когда касались его щеки. Его единственная рука вцепилась в ее парку, как утопающий в соломинку. В этой близости не было красоты, только грубая, животная жажда подтверждения, что он еще здесь. Что он не мясо.

Когда она отстранилась, ее лицо было мокрым.

– Палочка... – ее голос был хриплым шепотом, испуганным и торжественным одновременно. – Она не дает силу. Она берет. Твою жизнь, твои чувства, твои воспоминания. Она превращает в пыль всё. В том числе и тебя. Пожалуйста... не ищи ее.

Она поцеловала его в лоб, и мир поплыл, накрываясь бархатным черным покрывалом.

— —

Лев очнулся от яркого солнечного луча, ударившего прямо в глаза. Он вскрикнул, инстинктивно дернулся, ожидая всплеска адской боли.

Но боли не было.

Он сел, дико озираясь. Веревки, пропитанные кровью, валялись рядом разорванными. На линолеуме был только один темный, липкий след – от той крови, что вытекла тогда. Он поднял левую руку.

Она была там. Бледная, с знакомыми родинками, со шрамом на указательном пальце, который он получил в детстве. Он согнул пальцы. К нему вернулась рука.

А рядом, свернувшись калачиком у стены и мирно дыша во сне, лежала она. Волшебница. Рядом с ее расслабленной ладонью лежала та самая черная, невзрачная палочка.

Лев медленно поднялся. В спортзале было тихо. Громила и Ксюша, наевшись, вероятно, спали. В его груди что-то надломилось, оттаяло и тут же снова заморозилось, превратившись не в благодарность, а во что-то острое, холодное и неумолимое. Он посмотрел на палочку. На спящую девушку. На свою новую, старую руку.

В его голове не было мыслей о чуде, о спасении, о доброте. Была только тихая, кристально ясная мысль, отчеканенная болью и унижением:

«Они отрезали мне руку».

Он наклонился. Его пальцы, и старые, и новые, обхватили шершавое дерево палочки. Оно было теплым, почти живым. В ладонь будто ударила слабая волна тока – не боль, а обещание. Обещание силы.

Он не взглянул на спящую девушку, которая спасла его. Он развернулся и бесшумно вышел из кабинета, крепко сжимая в кулаке тот единственный закон, что оставался в этом мире: либо ты ешь, либо едят тебя.

Теперь у него был нож. Нет, не нож. Пыль. У него была пыль.

И он знал, с кого начать.

Глава 1: Первый Взмах

Утро было неестественно ярким и безжалостным. Солнечные лучи резали глаза, выжигая остатки кошмарной дремы. Лев стоял за школой, у края заросшего бурьяном поля, и дрожал. Но не от холода.

В правой руке он сжимал палочку так крепко, что суставы побелели. Левая, новая-старая, произвольно сжималась и разжималась, как будто проверяя реальность своего существования. Ощущение было странным – она работала, но казалась чужой, симулякром, слишком идеальной копией утраченного. Как протез, который чувствует боль.

Из школы доносились звуки просыпающегося лагеря: приглушенные голоса, звон посуды. Громила и его люди начинали день. День, в котором Лев должен был быть лишь воспоминанием и парой килограммов мяса.

Ярость подступила к горлу, горячая и соленая. Он выдохнул ее, и вместе с воздухом из груди вырвалось хриплое, животное рычание. Он повернулся и пошел обратно, не прячась. Его шаги гулко отдавались в пустых коридорах, выложенных потрескавшейся плиткой. На стенах висели выцветшие плакаты о Великой Отечественной войне и правильном питании. Ирония была настолько горькой, что хотелось смеяться.

Он шел на звуки. В столовой.

Дверь была приоткрыта. Лев заглянул внутрь. За большим столом, уставленным консервными банками и бутылками с мутной водой, сидели трое: долговязый парень с самодельным копьем, пухлая девчонка, жадно доедавшая тушенку, и Ксюша. Черлидерша. Она сидела, откинувшись на спинку стула, и смотрела в окно, ее красивое лицо было пустым, как заброшенная сцена. Громилы не было видно.

Лев толкнул дверь.

Скрип петель прозвучал, как выстрел. Трое обернулись. В их глазах мелькнуло недоумение, которое за долю секунды сменилось леденящим ужасом. Долговязый вскочил, опрокидывая стул.

– Ты... – прошепелявила пухляшка, роняя ложку. – Ты же...

– Где Громила? – голос Льва был низким, чужим. Он не узнавал его.

– Он... на крыше. Смотрит, – выдавил долговязый, цепляясь за свое копье, но его руки тряслись. Они смотрели на его левую руку. На ровный, чистый рукав куртки, под которым не угадывалось даже намёка на культу.

Ксюша медленно повернула голову. Ее глаза, холодные и assessing, скользнули по его фигуре, остановились на сжатом кулаке, из которого торчал темный кончик палочки.

– Ты что-то украл, крыса, – сказала она без интонации. Не вопрос. Констатация.

Лев шагнул вперед. Долговязый, движимый инстинктом или остатками глупой храбрости, взмахнул копьем. Лев даже не подумал. Его рука с палочкой дернулась сама, как плеть.

Он не произносил заклинаний. Он просто захотел, чтобы это копьё, этот символ угрозы, перестало существовать. Внутри что-то дрогнуло, словно лопнула струна. Из кончика палочки вырвался короткий, неяркий импульс, похожий на волну горячего воздуха.

Копьё не разлетелось осколками. Его просто не стало. На ладонях у долговязого осталась лишь пригоршня серой, мелкой пыли, которая тут же просочилась сквозь пальцы и рассеялась в воздухе. Парень ошалело смотрел на пустые руки, потом на Льва. Его челюсть отвисла.

Тишина стала абсолютной.

– Крыша, – повторил Лев, и его слово упало, как камень.

Девчонка заплакала, закрыв лицо руками. Долговязый, потеряв всякую волю к сопротивлению, кивнул в сторону лестницы. Лев прошел мимо них. Его плечо задело плечо Ксюши. Она не дрогнула, но ее дыхание на мгновение прервалось.

Лестница на чердак была темной и заваленной хламом. Лев поднимался, и с каждым шагом ярость внутри него кристаллизовалась, превращаясь в нечто острое и холодное, в идеальную режущую кромку. Он толкнул дверь на крышу.

Громила стоял спиной, опершись на бетонный парапет, и смотрел вдаль на мертвый город. В одной руке он держал свою знаменитую битую с намотанной проволокой. Утренний ветер трепал его короткие волосы. Он был огромен, монолитен, воплощение того закона силы, что правил миром.

Услышав шаги, он обернулся. Увидев Льва, его лицо сначала выразило лишь ленивое недоумение, затем – насмешку.

– Ну надо же, – протянул Громила, медленно разворачиваясь всем телом. – Призрак. Или кусок мяга сбежал? Руку тебе, я смотрю, какая-то сучка новую привязала. – Он презрительно скосил глаза на левую руку Льва, не понимая масштаба происходящего. Его мозг, заточенный под грубую силу, отказывался воспринимать чудо. – Пришел за второй?

Лев не ответил. Он поднял руку с палочкой. Теперь он видел его – того, кто держал его, кто отдавал приказ, кто смотрел в его глаза, пока пила вгрызалась в кость. Все сжималось в одну точку. В этого человека.

Громила нахмурился, заметив странный предмет.

– Что, палочку нашел? Выглядит дерьмово, – он усмехнулся и сделал шаг вперед, поднимая битую. – Ладно, поиграем. На этот разотрежем обе.

Он двинулся, тяжелой поступью, заполняя собой все пространство крыши.

Лев не отступил. Он сконцентрировался. Он не просто хотел убить. Он хотел стереть. Уничтожить так, чтобы не осталось и памяти, чтобы от этой горы мышц и наглой уверенности не осталось ничего. Он вложил в это желание всю свою боль, весь страх, всю ненависть последних двух лет.

Он взмахнул палочкой.

На этот раз не было тихого импульса. Был звук – сухой, резкий, как ломающийся гигантский сухарь. И свет – ослепительная вспышка, на мгновение окрасившая мир в негатив.

Громила остановился на полпути. Его насмешка застыла. Затем на его лице, на руках, на груди появились трещины. Не кровоточащие раны, а именно трещины, как на высохшей глине. Они расползались с невероятной скоростью. Он посмотрел на свои руки, и в его глазах впервые мелькнул настоящий, первобытный ужас.

Он открыл рот, чтобы крикнуть.

Но крика не последовало. Тело Громилы рассыпалось. Не в кровавое месиво, а в мелкий, сухой пепел, в однородную серую пыль. Бита с глухим стуком упала на бетон, засыпанная этим прахом. Ветер сразу подхватил облачко пепла, развеял его над крышей, смешал с городской пылью. От человека, который был царем этой школы, осталась только небольшая куча у ног Льва и металлическая бита.

Тишина

Лев стоял, тяжело дыша. В ушах стоял оглушительный звон. Внутри было пусто. Пусто и холодно. Он ждал торжества, облегчения, чего угодно. Но пришла только эта леденящая пустота. Он только что стер человека с лица земли. И не чувствовал ничего.

Потом волна слабости накрыла его с такой силой, что он пошатнулся. Перед глазами поплыли черные пятна. Из носа потекла теплая струйка крови. Он упал на колени, упершись руками в холодный бетон, и его вырвало – желчной, кислой жидкостью. Тело трясло, как в лихорадке.

Так вот какова цена. Она брала не только у цели. Она брала и у него.

Он не знал, сколько пролежал так. Когда слабость немного отступила, он поднял голову. Над мертвым городом плыли беззаботные облака. Солнце светило по-прежнему ярко. Мир не изменился. Просто в нем не стало одного здоровяка. И появилось нечто новое. Монстр с волшебной палочкой.

С трудом поднявшись, Лев увидел, что кожа на его правой руке, державшей палочку, стала сухой и странно пергаментной. Он подошел к грудке пепла, наступил на нее ногой. Прах разлетелся.

Он спустился вниз. Столовая была пуста. Испуганные следы вели к выходу. Ксюша тоже исчезла. Сбежала.

Он был один в тихой школе-крепости, полной припасов. Победитель. Хозяин праха.

Он вышел на улицу, на солнечный свет. Его взгляд упал на край поля. Там, у леса, стояла фигура в парке. Алиса. Она смотрела на него. Слишком далеко, чтобы разглядеть выражение ее лица, но поза говорила о немом ужасе и скорби. Она видела. Видела всё.

Он поднял палочку, не в угрозу, а просто, как факт. Как знамя.

Она развернулась и скрылась в лесной чаще.

Лев опустил руку. Теперь у него была сила. Теперь у него была крепость. И теперь у него не было ничего.

Он посмотрел на свою новую руку, потом на темное дерево палочки. Ветер донес до него запах дыма, пыли и далекого разложения. Апокалипсис продолжался. Но для него только что началась новая эра.

Эра пыли

Глава 2: Закон Пыли

Слабость не отпускала его три дня.

Лев лежал в кабинете директора, на разложенном на полу спальнике, и смотрел в потолок с осыпающейся лепниной. Его била дрожь, как при малярии. Каждое движение требовало нечеловеческих усилий. Он чувствовал, как что-то выкачали из него, выжгли дотла – не только силы, но и что-то важное внутри. Эмоции притупились, окрасились в серый цвет. Даже ярость, что горела в нем ярким пламенем, теперь тлела углем: холодным, но всепоглощающим.

Он поднял правую руку, сжимавшую палочку даже во сне. Кожа от запястья до локтя стала похожа на пергамент старика – сухая, покрытая сеткой мелких морщин. Волосы на ней выцвели. Он коснулся левой, исцеленной руки. Она была гладкой, молодой. Диссонанс вызывал тошноту.

На четвертый день голод и жажда заставили его подняться. Он шатаясь вышел в коридор. Школа была мертва и пугающе тиха. Беглецы ничего не взяли – в столовой всё оставалось на местах. Консервы, вода, самодельные сухари. Они бежали от него. От того, что он сделал.

Мысль, сначала смутная, потом все более четкая, пронзила туман в его голове: они его боялись. По-настоящему. Не так, как боялись Громилу – большого и сильного, но понятного. Они боялись неизвестности. Непостижимости. Силы, которая стирает в пыль.

Это давало ему больше, чем бита Громилы.

Он ел консервы холодными, прямо из банки, глазами отсутствующего. План формировался сам, кристаллизуясь из холодного пепла, оставшегося вместо души.

Ему нужны были слуги. Свидетели. Теплые тела, которые будут подтверждать его власть и напоминать, что он жив. Что он больше не кусок мяса на полу.

И он знал, с кого начать.

Ее нашли на третий день поисков. Лев двигался медленно, экономя силы, используя палочку только для того, чтобы раздробить череп забредшему в школьный двор зомби-учителю в истлевшем пиджаке. Каждый раз после этого его выворачивало, но слабость уже не была такой всепоглощающей. Тело адаптировалось. Или деградировало.

Ксюша пряталась в котельной соседней заброшенной больницы. Она сидела в углу, обняв колени, и смотрела в стену пустыми глазами. При виде его она не закричала. Просто обреченно опустила голову, подставив шею, как животное, признающее поражение.

– Встань, – сказал Лев. Голос звучал хрипло, но уже не дрожал.

Она подчинилась. Медленно, будто ее суставы заржавели.

Он подошел вплотную. Пахло страхом, потом и копотью. Она была красивой, это нельзя было отнять даже у апокалипсиса. Высокая, с длинными темными волосами, спортивным телом. Красота, которая когда-то давала ей привилегии. Теперь делала мишенью.

– Ты смотрела, – прошептал он. – Когда он это делал. Ты не отвернулась.

Она молчала. В ее глазах стояла пустота глубже, чем просто страх. Это было выгорание. Смирение.

Лев поднял палочку. Не для уничтожения. Он концентрировался на другом желании – остром, конкретном. Он хотел, чтобы ее воля стала податливой, как глина. Чтобы его приказы становились для нее единственной реальностью. Он вспомнил ощущение, когда заставлял ее в столовой – не физически, а магией. Это было похоже на мысленное давление, на вбивание клина между ее мыслями и ее телом.

Он ткнул палочкой ей в грудь, чуть выше сердца.

Ксюша вздрогнула, как от удара током. Из ее губ вырвался короткий, сдавленный стон. Ее глаза закатились, показав белки, потом сфокусировались вновь. Но свет в них изменился. Острая грань личности, индивидуальность – стерлась. Остался лишь тусклый, ожидающий взгляд, устремленный на него.

– Иди за мной, – приказал Лев.

Она послушалась, как заводная кукла. Шаг в шаг, не отставая и не обгоняя.

Школа снова обрела хозяина. И свою первую обитательницу.

Процесс «налаживания хозяйства» был методом проб, ошибок и нарастающей жестокости. Лев обнаружил, что держать постоянное ментальное давление на Ксюшу утомительно, но не смертельно. Это был фоновый шум, легкое головокружение. Зато она была идеальной служанкой: молчаливой, эффективной, бездумно послушной. Она убирала, готовила еду (просто разогревая консервы), стояла на посту. Но этого было мало. Пустота внутри Льва требовала большего. Требовала подтверждения власти в самой базовой, животной форме.

Он приказал ей раздеться в первый вечер, просто чтобы посмотреть, сможет ли он. Она сделала это без колебаний, без стыда, стоя посреди кабинета директора при свете коптилки. Ее тело было бледным и идеальным. Он подошел, касаясь своей пергаментной рукой ее кожи. Она не дрогнула. Не было в ее глазах ни отвращения, ни покорности – лишь пустота.

Это разозлило его. Ему нужно было не тело манекена. Ему нужно было признание его власти. Страх. Унижение, которое он пережил.

Он с силой притянул ее к себе. Его действия были грубыми, лишенными какой-либо страсти, лишь яростью и потребностью доминировать. Она не сопротивлялась. Не участвовала. Просто была. Как тёплый, живой труп.

После этого он почувствовал не удовлетворение, а лишь более глубокую пустоту и новую волну усталости. Ксюша лежала рядом, уставившись в потолок. Ее покорность была настолько абсолютной, что становилась оскорбительной.

– Смотри на меня, – прошипел он.

Она медленно повернула голову. Пустые глаза.

В ярости он ударил ее. Не палочкой, а кулаком. По лицу.

Ее голова отшатнулась, из разбитой губы потекла кровь. И тогда, наконец, в ее глазах что-то промелькнуло. Искра. Не боли даже, а понимания. Правила игры. Она медленно, на глазах у Льва, изменила выражение лица. В нем появилась натянутая, искусственная покорность, смешанная со страхом. Она прикоснулась языком к крови на губе, не сводя с него глаз.

Так он понял вторую часть контроля. Страх был клеем, который скреплял магическое подчинение. Он заставлял личность изгибаться, подстраиваться, но не исчезать полностью. Ей нужно было бояться не только абстрактной магии, но и его – здесь и сейчас.

Он назвал ее «Первой». Без имени. Только номер.

Следующие «рекруты» появились через неделю. Лев, чувствуя, что силы возвращаются, начал патрулировать окрестности. Он нашел небольшую группу из трех человек: два парня и девушка, устроившие лагерь в разбитом супермаркете. Они были изможденными, напуганными, но не сломленными. У них было оружие – самодельные дубинки.

Лев вышел к ним открыто. Они насторожились. Девушка спряталась за прилавок.

– Уходи, – сказал коренастый парень с татуировкой на шее. – Наша территория.

Лев не стал тратить слова. Он взмахнул палочкой, нацелившись не на них, а на массивную бетонную колонну у входа. Он вложил в желание всё свое презрение к их сопротивлению.

Колонна не рассыпалась в пыль. Она испарилась на участке в метр высотой. Верхняя часть рухнула вниз с оглушительным грохотом, подняв облако пыли и щебня. Когда пыль осела, перед ними зияла дыра в стене, а на полу лежала грудa обломков.

Парни замерли в оцепенении. Девушка тихо вскрикнула.

– Последний шанс, – сказал Лев, чувствуя, как знакомое головокружение подкатывает к вискам. – Девушка – ко мне. Вы – уходите. Или останетесь здесь навсегда.

Коренастый, движимый отчаянной храбростью или глупостью, с рыком бросился на него с дубиной.

Лев даже не сдвинулся с места. Легкое движение палочкой – и дубинка в руках парня рассыпалась в труху. Еще одно, чуть более затратное усилие воли – и рука, сжимавшая эту дубинку, от кисти до локтя, превратилась в кровавый туман и костную пыль. Парень рухнул, захлебываясь нечеловеческим воплем.

Второй парень, молодой, почти мальчик, бросился бежать.

Лев вздохнул. Устало. И обратил палочку на беглеца.

Тот сделал еще пять шагов, прежде чем его ноги ниже колен просто перестали существовать. Он упал вперед, издавая короткие, хриплые всхлипы, не понимая еще, что случилось.

Коренастый истекал кровью, катаясь по полу. Мальчик полз, оставляя кровавый след.

Лев подошел к девушке. Она прижалась к прилавку, глаза выпучены от ужаса, рука зажата у рта.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Л... Лена, – выдавила она.

– Лена. Ты идешь со мной. Будешь служить. Будешь повиноваться. Поняла?

Она кивнула, слезы ручьями текли по грязным щекам.

Он повернулся к двум умирающим парням. Крики мешали сосредоточиться. Он взмахнул палочкой еще два раза. Наступила тишина. На полу остались две бесформенные кучи кровавой грязи и два пятна серой пыли.

Лев схватил Лену за руку и потащил за собой. Она шла, спотыкаясь, в полубморочном состоянии.

Вернувшись в школу, он бросил Лену в класс рядом с кабинетом директора. Ксюша, увидев новую пленницу, не проявила эмоций. Она лишь молча принесла воду и тряпку, чтобы та обтерлась.

– Она – Вторая, – объявил Лев, обращаясь к Ксюше. – Научи ее правилам.

Ксюша кивнула. В ее взгляде на новенькую промелькнуло что-то сложное – не сочувствие, а скорее холодное любопытство опытного узника к новичку.

Ночью Лев проверял степень контроля. Лена, в отличие от первоначально опустошенной Ксюши, была на грани истерики. Магическое подчинение накладывалось на нее тяжелее, сопротивлялось. Ему пришлось ударить ее, как когда-то Ксюшу, чтобы страх прорвался через барьер шока. И только когда она, рыдая, стала целовать его пергаментную руку, умоляя о пощаде, он почувствовал связь – тугую, болезненную нить контроля.

Еще через несколько дней он нашел одну-единственную выжившую в разгромленном лагере – хрупкую блондинку, прятавшуюся в баке для воды. Ее звали Света. Она стала Третьей.

Школа превращалась в его личный аналог ада. Девушки выполняли всю работу. Они добывали воду из колодца, поддерживали огонь, готовили. Ксюша, «Первая», стала надсмотрщицей, используя остатки своей воли, чтобы угнетать других, ища таким образом призрачное

одобрение хозяина. Лена, «Вторая», сломалась быстро и полностью, превратившись в запуганное, плаксивое существо, которое вздрагивало от любого звука. Света, «Третья», молчала. Всегда. Ее подчинение было самым странным – она смотрела сквозь Льва, будто видя что-то за его спиной.

Лев правил, восседая на стуле директора. Его правая рука теперь почти до плеча была покрыта старческой кожей. Волосы у висков тронула седина. Пустота внутри заполнялась не чувствами, а тяжелой, удушающей властью. Он заставлял девушек обслуживать себя в самых унижительных формах, просто чтобы видеть в их глазах отражение своего господства. Он убивал любого мужчину, который показывался на горизонте, не вступая в переговоры. Иногда – просто чтобы посмотреть, как далеко может разлететься пепел.

Он стал тем, чего боялся больше всего в те дни, когда был жертвой. Хищником. Не просто выживающим – тираном.

Однажды ночью, когда Света лежала рядом, безжизненная и холодная, как мрамор, он подошел к окну. На стекле, покрытом изморозью, он увидел свое отражение. Изможденное лицо с запавшими глазами, раннюю седину, тонкие губы, сложенные в жесткую складку. И палочку в пергаментной руке.

Он не увидел Льва. Он увидел призрак. Властителя праха. И это отражение смотрело на него без тени сожаления.

Где-то там была Алиса. Девушка, подарившая ему чудо и предупреждение. Он иногда чувствовал ее взгляд – призрачный, полный ужаса. Но он больше не думал о ней с теплотой или даже с благодарностью. Он думал о ней как об угрозе. Как о единственном человеке, который знал цену его силе и, возможно, знал, как ее отнять.

Но это было уже не страшно. Страх ушел вместе с остатками человечности.

Он повернулся от окна. В углу комнаты, на тонком матрасе, лежала Ксюша, не спала и смотрела на него своим изучающим, пустым-не-пустым взглядом.

– Подойди, – сказал он.

Она подошла. Механически. Предсказуемо.

Он был хозяином школы. Хозяином рабынь. Хозяином смерти.

И это было только начало. Мир был полон пыли. И он научился ей повелевать.

Глава 3: Вкус Пепла и Покорности

Дни сливались в одно мутное, жестокое полотно. Школа пахла теперь не только пылью и затхлостью, но и страхом – густым, вьедливым, как дым.

Лев обнаружил, что контроль через палочку, как мышца, требует постоянной тренировки и раз за разом становится все более изнурительным. Поддерживать в трех девушках состояние безвольной покорности было подобно удержанию трех натянутых тросов, которые то и дело пытались выскользнуть из его ментальной хватки. Особенно у Лены, «Второй». Ее страх был живым, нервным, и он постоянно пытался вырваться наружу в виде тихого плача за дверью или дрожания рук, когда она подавала ему еду.

Сегодня он решил заняться именно ею.

После ужина – холодной тушенки и сухарей – он приказал Ксюше и Свете уйти в соседний класс и не шуметь. «Первая» кивнула с тем же пустым выражением, но в ее взгляде скользнула тень понимания. Она тащила за собой молчаливую Свету, которая шла, как сомнамбула.

Лена осталась стоять посреди кабинета директора, обхватив себя руками. Она знала, что будет. Ее тело напряглось, как у животного перед ударом.

– Разденься, – сказал Лев, не отрываясь от чистки ствола найденного охотничьего ружья. Он редко использовал огнестрел, но ему нравился вес металла в руках. Осязаемое, не магическое оружие.

Лена замерла на секунду, и этого было достаточно. Ее сопротивление, тонкое, как паутина, но реальное, донеслось до него через магическую связь – колючим, раздражающим импульсом.

Он медленно поднял голову. Положил ружье на стол. Поднялся.

– Я сказал, раздаться

Она начала дрожащими пальцами расстегивать рваную кофту. Действовала медленно, и каждый ее жест был наполнен таким отвращением к себе и к нему, что это было по его гордыне сильнее, чем открытое неповиновение.

Он не стал ждать. Резким движением он дернул палочку, не прикасаясь к ней физически, а просто надавив волей. Лена вскрикнула, как от удара хлыстом по спине. Пуговицы на ее кофте и джинсах лопнули одновременно, ткань расстегнулась, обнажив бледное, исхудавшее тело в потертом белье. Она застыла, униженная до слез.

– Ложись на стол, – его голос был ровным, металлическим.

Она попыталась сделать шаг, но ноги подкосились. Лев вздохнул с преувеличенным раздражением. Он снова взмахнул палочкой, и невидимая сила подхватила Лену, швырнув ее на широкий директорский стол. Спина ударилась о дерево с глухим стуком. Она задохнулась от боли.

Он подошел, не спеша. Его пергаментная рука с палочкой легла ей на грудь, чуть выше сердца. Он чувствовал, как бешено стучит ее сердце. Другой рукой, все еще нормальной, он рванул остатки белья, разорвав тонкую ткань.

– Ты думаешь, твоя ненависть что-то меняет? – прошептал он, наклоняясь к ее лицу. Она отвернулась, щека прижалась к холодному дереву. – Ты думаешь, твое дрожание – это сопротивление? Это просто еще один способ служить мне. Твоя боль мне нравится. Твой страх питает меня больше, чем эта блевотная тушенка.

Он провел палочкой по ее животу, не нажимая. Просто водил, как скальпелем перед разрезом.

– Я могу сделать так, что ты будешь хотеть этого. Магия может стереть и это. Сделать тебя жаждущей. Готовой лизать мои ноги. Хочешь?

Лена зажмурилась, слезы хлынули из-под век. Она помотала головой, не в силах вымолвить слова.

– Нет? – он усмехнулся, и в этом звуке не было ни капли веселья. – Жаль. Мне нравится бороться. Напоминает мне, что я жив.

Его действия после этого не имели ничего общего со страстью. Это был акт агрессии, утверждения власти, попытка заполнить пустоту внутри чужим страданием. Он был груб, методичен и жесток. Он заставлял ее смотреть на него, и когда она пыталась закрыть глаза, он бил ее по лицу, несильно, но унижительно. Он шептал ей на ухо подробности того дня, когда Громила отрезал ему руку, описывал звук пилы по кости, свой собственный крик. Он превращал ее тело в арену, где заново отыгрывал свое унижение, но теперь в роли палача.

Лена сначала плакала, потом замолкла, уйдя в себя, в ту самую диссоциацию, которая так злила его у Светы. Это разозлило его еще больше. Он сжал палочку в кулаке и вонзил в их связь импульс чистой, нефилтрованной воли, приказав чувствовать. Вернуться.

Она вернулась с воплем. Ее тело снова наполнилось болью, унижением, животным ужасом. И этого, этой искренней, непритворной агонии, ему и было нужно. Он добился своего.

Когда он закончил, он отступил, тяжело дыша. Не от усилия, а от того, что внутри снова была пустота. Большая, чем раньше. Лена лежала неподвижно, всхлипывая, кровь из разбитой губы растекалась по дереву стола.

Он махнул рукой.

– Убери за собой. И приведи в порядок.

Она не двигалась. Он ударил ее палочкой по бедру, не магией, просто куском дерева. Она вздрогнула и скатилась со стола, едва удерживаясь на ногах. Собирая с пола лохмотья одежды, она не смотрела на него.

После того как она, шатаясь, вышла, Лев подошел к окну. В отражении он увидел призрак с горящими глазами и перекошенным от чего-то, что когда-то могло быть удовольствием, ртом. Он плюнул на свое отражение.

— —

На следующий день Лев отправился на поиски припасов, приказав Ксюше следить за другими. Его «Первая» стала эффективным надзирателем. Она с холодной жестокостью пресекала малейшие признаки строптивости у Лены и с равнодушием игнорировала кататоническое состояние Светы.

Он шел по мертвому городу, и его глаза выискивали не только банки с едой, но и движение. Мужское движение.

Он нашел его у разграбленной аптеки. Молодой парень, лет восемнадцати, худой как щепка, с рюкзаком за плечами, осторожно вылезал из пролома в витрине. В руках он сжимал железную трубу. Увидев Льва, он замер, оценивая.

Лев остановился в десяти метрах. Он видел в глазах парня знакомый голод, осторожность, но не подлость Громилы. Этот был просто выживающим.

– Привет, – хрипло сказал парень. – Тут... тут вроде пусто. Можешь проверить, если хочешь.

Лев не ответил. Он смотрел на его руки, на трубу. Он думал о том, что этот парень мог бы стать угрозой. Мог бы объединиться с другими. Мог бы когда-нибудь прийти к его школе. Мог бы посмотреть на его рабынь с желанием.

Но главное – Лев чувствовал знакомое щемящее желание в груди. Желание видеть, как плоть превращается в прах. Чувствовать эту вспышку силы и последующую слабость, которая хоть и болезненна, но была единственным, что пробивалось через ледяную броню внутри.

– Брось трубу, – сказал Лев.

Парень нахмурился.

– Что? Послушай, я не хочу проблем. Я просто уйду.

– Брось. Её. – Лев поднял палочку. Она выглядела нелепо – обгорелая ветка в руке сумасшедшего.

Парень, видимо, решил, что имеет дело с психом, которого можно запугать. Он принял боевую стойку, трубу перед собой.

– Отстань, урод!

Это было его последней ошибкой. Лев даже не взмахнул палочкой полноценно. Он просто пожелал, чтобы железная труба от локтя и до конца перестала существовать.

Эффект был мгновенным. Половина трубы просто испарилась в облачке металлической пыли. Парень ахнул, глядя на обугленный, идеально круглый срез на конце своего импровизированного оружия. Ужас, настоящий, неконтролируемый ужас, исказил его лицо.

– Нет, подожди... – начал он.

Лев не стал ждать. Он представил себе не просто смерть, а полное, тотальное стирание. Чтобы от этого человека, от его страха, его недавних мыслей об аптеке, его воспоминаний о прошлой жизни, не осталось ничего. Чтобы он стал просто частичкой грязи на асфальте.

Он выдохнул, вкладывая в выдох всю свою накопившуюся ярость на мир, на себя, на пустоту.

Звука не было. Был лишь резкий хлопок сдавленного воздуха. Парень в центре своего тела будто схлопнулся в точку, а затем развернулся наружу облаком мельчайшего красновато-серого пылевидного тумана. Рюкзак с припасами упал на землю с глухим стуком. Кроссовки остались стоять на асфальте, наполненные теплым пеплом.

Лев шатнулся, схватившись за стену. Кровь хлынула из носа горячим потоком, заливая губы и подбородок. В висках застучало так, будто череп вот-вот треснет. Он опустился на колени, его вырвало прямо на тротуар – желчью и черными прожилками чего-то, что было похоже на запекшуюся кровь, но пахло пеплом.

Он просидел так несколько минут, пока мир не перестал плыть. Когда он поднялся, его правая рука, от кончиков пальцев до середины предплечья, выглядела как рука столетнего старика – кожа была темной, морщинистой, почти черной, с пятнами. Ощущения в ней почти не было.

Он подошел к рюкзаку, поднял его. Внутри были бинты, антисептики, упаковки с таблетками. Полезные вещи. Он вытряхнул пепел из кроссовок и бросил их в сторону мусора.

Возвращаясь в школу, он чувствовал не опустошение, а странное, извращенное удовлетворение. Он был не просто хищником. Он был стихией. Концом всего.

— —

Вечером он устроил проверку для всех. Заставил Ксюшу, Лену и Свету встать на колени перед его креслом. Лена смотрела в пол, ее тело все еще ныло от вчерашнего. Света смотрела сквозь стену. Только Ксюша смотрела на него, и в ее взгляде была не просто покорность, а нечто вроде голода. Голода по одобрению, по безопасности рядом с самой большой силой.

– Завтра, – сказал Лев, медленно проводя палочкой по ладони левой, все еще нормальной руки, – мы расширим границы. В старом районе есть дом с зеленой крышей. Там, по слухам, был склад. Вы пойдете со мной. Будете нести припасы. Кто проявит слабость... – он не закончил, давая их воображению дорисовать финал.

Лена содрогнулась. Света не пошевелилась. Ксюша кивнула, как солдат, принимающий приказ.

– А сейчас, – он ткнул палочкой в сторону Светы, – Третья. Подойди.

Света поднялась и подошла, не меняя выражения лица. Ее отрешенность бесила его больше всего. Он приказал ей раздеться. Она сделала это с той же механической точностью, с какой чистила картошку (когда она еще была). Ее тело было худым, с проступающими ребрами, бледным, как полотно.

Он заставил ее делать унижительные, абсурдные вещи. Стоять на одной ноге. Петь детскую песенку. Целовать его пергаментные, почти нечувствительные пальцы на ногах. Она выполняла все без тени эмоций. Ее глаза оставались пустыми и далекими.

Разъяренный, он толкнул ее на колени перед креслом.

– Хотя на это ты реагируешь? – прошипел он, заставляя ее принять его в рот.

Ее реакции не было. Ни сопротивления, ни участия. Просто физиологическое действие. Он сжал ее волосы в кулак, дергая, пытаясь вызвать боль, страх, что угодно. Она лишь слегка закашлялась, когда он толкнул ее глубже.

В ярости он оттолкнул ее, вскочил с кресла и ударил ее палочкой по лицу. Дерево раскололо кожу на скуле, кровь брызнула на пол. Света упала на бок, но даже не вскрикнула. Она просто лежала, глядя в одну точку, кровь текла по ее щеке.

Это было невыносимо. Ее отсутствие было сильнее любой ненависти Лены. Оно отрицало саму его власть.

– Убери ее с глаз моих, – бросил он Ксюше, задыхаясь от бессильной злобы.

Ксюша быстро поднялась, схватила Свету под руку и потащила к выходу, как тряпичную куклу.

Лев остался один. Дрожащими руками он налил себе воды из канистры. Вода была теплой, с привкусом пластика. Он посмотрел на свое отражение в темном окне. Мужчина с седыми висками, впалыми щеками и глазами, в которых горел холодный, нечеловеческий огонь. Его правая рука лежала на столе, похожая на высохшую конечность мумии. Левая, сжимающая палочку, все еще выглядела нормально, но он чувствовал – яд магии медленно поднимался и по ней.

Он думал о пепле, который оставил после себя сегодня. О полном, абсолютном уничтожении. Это был единственный акт, который приносил что-то, отдаленно напоминающее катарсис.

А потом он подумал об Алисе. О девушке с волшебной палочкой, которая принесла ему исцеление и проклятие в одном флаконе. Она была где-то там. Она знала силу палочки. И она, наверное, боялась его теперь не меньше, чем все остальные.

Но страх, подумал он, пригубив воду, это не то, что он хотел от нее. От нее он хотел... понимания? Нет. Признания. Признания того, что он стал тем, кем должен был стать. Королем этого проклятого мира. И если она не признает это добровольно... что ж, палочка и страх умеют убеждать.

Он лег на свой спальник, положив палочку рядом, на расстоянии вытянутой руки. Сон не шел. В ушах стоял тихий звук – будто далекий шелест, шепот пепла, падающего на бетон. Колыбельная нового мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.